Трищенко Наталия Дмитриевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры новых медиа и теории коммуникации, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: natahatri@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6834-6206

Тыбинь Анна Алексеевна, студентка III курса бакалавриата, факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия; e-mail: anytybinb@gmail.com, ORCID 0009-0002-9539-7866

АКТУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ МЕДИА О НОРМАХ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Среди исследователей медиа был проведен опрос (всего получена 321 заполненная анкета), который показал, что описанные еще в середине прошлого века Робертом Мертоном нормы функционирования науки сохраняют свою актуальность, однако требуют дополнения в связи с изменением взгляда многих исследователей на вопросы отношений и коммуникации с широкой аудиторией. Так, респонденты говорят о необходимости и даже обязанности ученых участвовать в политических процессах и просветительской деятельности, а также учитывать интересы общества на всех этапах работы. Возможно, выявленные особенности связаны с тем, что сфера исследований медиа в значительной степени является практико-ориентированной и ее представители склонны как к коммуникации с массовой аудиторией, так и к приоритизации потребностей общества перед идеалами «чистой науки». При этом говорить о наличии консенсуса в отношении норм научной коммуникации среди всех представителей сообщества сложно: взгляды респондентов во многом зависят от социального и административного контекста, в котором они работают, и эти взаимосвязи требуют дополнительного изучения.

Ключевые слова: *научная коммуникация, нормы науки, постнормальная наука, альтметрики, исследования медиа.*

Как цитировать: *Трищенко Н. Д., Тыбинь А. А.* Актуальные представления исследователей медиа о нормах научной коммуникации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2023. № 6. С. 37–86. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.3786

Nataliia D. Trishchenko, PhD in Philology, Senior Researcher at the Chair of New Media and Communication Theory, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; e-mail: natahatri@yandex.ru, ORCID 0000-0002-6834-6206

Anna A. Tybin, 3rd year Bachelor student, Moscow, Russia; e-mail: anytybinb@gmail.com, ORCID 0009-0002-9539-7866

CURRENT PERSPECTIVES OF MEDIA RESEARCHERS ON THE NORMS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Among media researchers, a survey was conducted, resulting in a total of 321 completed questionnaires. Analysis of the responses and comments revealed that the norms of science described by Robert Merton in the mid-20th century still remain relevant but require additions due to a changing perspective of many researchers on issues of relationships and communication with a broad audience. Respondents emphasize the need and even obligation for scientists to participate in political processes and educational activities, as well as to consider societal interests at all stages of their work. The identified features may be linked to the fact that the field of media research is largely practice-oriented, and its representatives are inclined to both communicate with the mass audience and prioritize society's needs over the ideals of "pure science." However, it is difficult to speak of a consensus regarding norms of scientific communication among all community members. The views of respondents largely depend on the social and administrative context in which they work, and these interconnections require additional study.

Key words: *scientific communication, norms of science, post-normal science, altmetrics, media studies.*

To cite this article: Trishchenko N. D., Tybin A. A. (2023) Aktual'nye predstavleniya issledovateley media o normakh nauchnoy kommunikatsii [Current perspectives of media researchers on the norms of scientific communication]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 10: Zhurnalistika 6*: 37–86. DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.3786

DOI: 10.30547/vestnik.journ.6.2023.3786

Введение

Сформулированные в XX в. нормативные концепции науки предполагают, что ученый не участвует в публичной коммуникации, политических конфликтах и воздерживается от того, чтобы явно занимать какую-то позицию или отстаивать какие-либо ценности (Dunwoody, Ryan, 1985; Schneider, 1986; Goodell, 1977; Pielke, 2007; Jung, 2012). Сформулированные Робертом Мертоном в середине прошлого века нормы до сих пор можно считать

основой этоса науки (Merton, 1974), а переход к прямому общению с широкой аудиторией еще недавно воспринимался исследователями как выход за границы профессии и своего рода девиантное поведение (Bucchi, 1996). «Чистый ученый» фокусируется в первую очередь на исследовательском процессе, добывает знания ради знаний, напрямую не контактирует с политиками и не вовлечен в политический процесс (Pielke, 2007), при взаимодействии с журналистами отвечает только на вопросы по поводу своего исследования и воздерживается от проявления позиции или более общих комментариев и трактовок (Rödder, 2012). Именно относительная закрытость научного сообщества во многом способствовала сохранению основ «нормальной» науки, в которой ученый существует в рамках научного сообщества, «внешние» люди не имеют доступа к данным или результатам исследований, а также не могут принимать участия в их обсуждении или верификации, которые осуществляются в рамках процесса рецензирования (Peters, 2013).

Однако сейчас многие исследователи, как и профессионалы в других сферах деятельности, стремятся к присутствию в социальных сетях и напрямую взаимодействуют с широкой аудиторией. В то же время вопрос о том, насколько это хорошо и правильно с точки зрения научного сообщества, остается открытым – особенно в контексте участия в публичных дискуссиях и политических конфликтах, что повлияло на роль ученых, а также их восприятие в обществе (Sunstein, 2017; Benne, Pfetsch, 2018; Post, 2019; McCarty, 2019; Iyengar, Massey, 2019).

По сути, трансформации в научной коммуникации представляют собой один из частных случаев того, как меняется роль профессионалов в новой медиакоммуникационной среде. При этом на самом деле не ясно, насколько глубоки произошедшие изменения: носят ли они скорее технический характер или же действительно оказывают заметное влияние на этические нормы науки, повседневные практики исследователей, а также отношения науки и общества.

Наше исследование направлено на прояснение указанных вопросов, однако мы обращались исключительно к проблемам, которые связаны с нормами научной коммуникации, причем преимущественно в контексте обмена информацией с массовой аудиторией, а не научного процесса в целом. Многочисленные этические вопросы, в том числе связанные с собственно процес-

сом исследования (как, например, при работе с пользователями социальных сетей: Salwén, 2021), выходят за рамки рассматриваемого нами круга проблем.

Обзор литературы

Можно выделить несколько ключевых кластеров исследований, направленных на изучение норм и практик научной коммуникации, хотя такое разделение будет очень условным, т. к. концептуально они в значительной степени связаны.

Первый кластер работ содержит попытки усовершенствовать, оспорить или каким-то образом видоизменить тот набор норм, который был обозначен Робертом Мертоном и стал классическим (1973). Хотя оригинальные нормы Мертона: коммунальность – именно так сейчас в литературе обозначается коммунизм (*CUDOS*, то есть *communism*), универсализм (*universalism*), беспристрастность (*disinterestedness*), организованный скептицизм (*organized skepticism*) – изначально вызвали массу дискуссий и критики (Barnes SB, Dolby, 1970; Gibbs, 1981), они по-прежнему остаются главным ориентиром для исследователей данной проблематики.

Критики Мертона указывали на оторванность описанных идеалов от реальной практики научной деятельности. Так, Майк Малкей указывал, что описанные нормы скорее представляют то, как научное сообщество хочет представить себя в глазах общества, а с действительностью и реальными нормативными установками никак не связано (Mulkay, 1976). Несколько позже Ян Митрофф (Mitroff, 1974) предложил «контр-нормы», сфокусировавшись на «глубоко персонализированном (индивидуальном) характере науки». Если исходные нормы Р. Мертона (который их также неоднократно дополнял и корректировал) отражали нормы науки как института или сообщества, то нормы Митроффа отражали в первую очередь личные интересы исследователей: секретность (*secrecy*) для обеспечения научного приоритета, партикуляризм (*particularism*) в оценке новых знаний, ориентацию на собственную выгоду (*self-interestedness*), организованный догматизм (*organized dogmatism*).

Тем не менее эмпирические попытки проверить, как представители научного сообщества в действительности видят для себя нормы науки, продолжают свидетельствовать в пользу Мертона.

Результаты одного из относительно недавних исследований, в ходе которого были опрошены американские ученые, показали, что нормы Мертона признает в этом качестве от 73 до 91% респондентов (Anderson, Ronning, DeVries, Martinson, 2010).

Ряд исследователей также рассматривают приложение исходных норм к условиям среды новых медиа, открытой науки и прочих современных особенностей научной коммуникации, чтобы понять, какого рода поведению они способствуют. Некоторые авторы говорят о том, что, несмотря на свойства электронной среды, ситуация лишь усложнилась: открытая наука способствует в том числе более строгому отношению к интеллектуальной собственности и правам на нее. Кроме того, хотя большая часть исследователей считает объективными результаты своей работы, сами исследовательские практики определяются в первую очередь человеческими ценностями (Medvecky, Leach, 2019).

Другие авторы утверждают (Hogan, Sweeney, 2013), что потенциал некоторых норм лишь усиливается в среде социальных медиа (тоже признавая, впрочем, наличие противоречий):

– открытость и доступ к знаниям и дискуссии значительно расширяется благодаря блогам и социальным сетям, что способствует обеспечению коммунальности. В то же время Мертон говорил о материалах, прошедших процедуру рецензирования, а в социальных сетях можно распространять что угодно;

– соцсети также способствуют универсализму, т. к. каждый может высказаться, однако, как правило, социальные платформы также предполагают довольно подробное заполнение профиля, что тоже может способствовать предвзятости;

– выступления в соцсетях могут быть и незаинтересованными, если авторы используют такие площадки для распространения объективной информации и остаются над схваткой, однако в блогах это довольно редко встречается;

– Интернет просто создан для того, чтобы способствовать дискуссии, т. е. скептицизму, однако, как замечает автор, скептицизм перестает быть «организованным».

Таким образом, исследования этого кластера делятся на два направления, в фокусе которых находятся: 1) нормы как идеалы и моральные ориентиры и 2) нормы как общепринятые практики. Исходные списки также начали пополняться принципами, связанными с изменением отношения к животным, развитием открытой науки и т. п. (например, см. Resnik, 2016: 256–257). Однако

все эти исследования так или иначе оказываются где-то между нормами и контр-нормами, привносят в предложенные концепции некоторые уточнения, но ничего принципиально не меняют в относительно устойчивых представлениях об этических нормах науки, сформированных в прошлом веке.

Второй кластер работ, связанных с интересующими нас проблемами, посвящен развитию концепции постнормальной науки. Ее можно было бы посчитать продолжением попыток найти нормативные основания в новых условиях, однако это довольно специфическое направление исследований, которое уже довольно хорошо разработано, поэтому имеет смысл выделить этот набор источников в отдельную группу.

Основной предпосылкой появления концепции постнормальной науки (*post-normal science, PNS*) стала идея о том, что в новых условиях, особенно когда наука работает с критически важными для общества явлениями, нормативные концепции, сформулированные в середине прошлого века, часто не отвечают фактическому положению дел. Одной из попыток предложить адекватные основы для анализа таких явлений и стала концепция «постнормальной» науки (Funtowicz, Ravetz, 1993). С тех пор исследователи многократно возвращались к ней, дополняя изначальные положения новыми аспектами, характеризующими ситуации *PNS* (Brüggemann, Lörcher, Walter, 2020).

Важно учитывать, что *PNS* рассматривается не как замена «нормальной» науки, а в качестве концепции для анализа ситуаций, не вписывающихся в привычные рамки и нормы научной коммуникации, дополнения, которое позволяет учитывать и анализировать сложившиеся новые практики (Kønig, Børsen, Emmeche, 2017). Одним из основных аспектов концепции является смена роли исследователя – от «чистого ученого» к стороннику определенной позиции и активному участнику общественной дискуссии и даже политических процессов, что подразумевает прямую коммуникацию с обществом (например, через личные сайты/блоги или посредством социальных сетей), которая прежде была преимущественно опосредованной. Все это характерно уже для многих областей науки, хотя и проявляется наиболее остро на примере социально значимых и срочных научных проблем, что можно было наблюдать в период пандемии.

В контексте *PNS* также возникает ряд сопутствующих философских вопросов (Порус, Бажанов, 2021): несет ли ученый

ответственность за то, как используются результаты его работы обществом; должен ли он в первую очередь ориентироваться на общественные потребности при выборе темы для исследования. Некоторые исследователи данной темы особенно категоричны: «Знать – означает нести ответственность за действия, и действовать – значит вовлекаться в переустройство общества» (Истон, 2015: 2).

Третья группа работ посвящена тому, как исследователи взаимодействуют с широкой аудиторией и какие эффекты такое взаимодействие оказывает на них. Наиболее заметной концепцией среди таких работ является «эффект Сагана» – представление о том, что популярный «видимый» ученый – хуже как ученый, чем его коллеги, которые не взаимодействуют с публикой, хотя результаты исследований это опровергают (Martinez-Conde, 2016). Предполагается, что медийная и просветительская активность отнимает много времени и в результате его не остается непосредственно на исследования. Здесь также затрагиваются некоторые нормативные вопросы, но все же в гораздо более практическом ключе.

Исследования направлены на выявление наличия эффекта Сагана (Peters, 2013), его влияния на популяризаторскую активность ученых (Eagleman, 2013), реальность высказываемых опасений и некоторые другие аспекты проблемы. Кроме того, ряд исследований сфокусирован на ученых, которые в большей степени склонны к контакту с широкой аудиторией (чаще это мужчины с большим исследовательским стажем и высоким академическим статусом, подробный обзор таких работ см. в Martinez-Conde, 2016).

Результаты исследований говорят о том, что эффект Сагана продолжает наблюдаться в научном сообществе и негативно влиять на готовность ученых заниматься популяризацией науки (Tiffany, Hautea, Besley, Newman, et al., 2022; Besley, Dudo, Yuan, Lawrence, 2018). В то же время на институциональном уровне сейчас можно наблюдать и обратные тенденции: все больше исследовательских институтов и научных организаций закладывают в инструкции для сотрудников популяризаторскую активность и поощряют различные виды публичных выступлений (Thorp, 2020). Авторы отмечают, что уже с 1980-х гг. цель научной коммуникации сместилась с информирования общественности на ее активное вовлечение в научный процесс (Schäfer, 2009).

Исследования, затрагивающие проблему эффекта Сагана, довольно часто направлены на изучение практик публичной коммуникации вообще в определенной группе исследователей: в качестве примера можно привести опрос *The Royal Society* 2006 г. Его результаты показали, что в числе наиболее важных аудиторий для себя ученые отметили политиков (60%), школы и школьных учителей (50%) и представителей индустрии (47%). Респонденты также говорили о том, что публичная активность ни в коем случае не должна стать обязательным требованием к ученым, а в научном сообществе она рассматривается скорее как пагубная для карьеры. В то же время 74% опрошенных приняли участие за последний год хотя бы в одном публичном мероприятии. Таким образом, здесь, как и во многих исследованиях, заметно некоторое несоответствие между нормативными представлениями, стереотипами и тем, как в действительности действуют ученые.

В данном контексте также можно выделить группу исследований, направленных на изучение факторов, которые мотивируют исследователей принять участие в публичной коммуникации или, наоборот, удерживают от взаимодействия с широкой аудиторией. Например, одним из источников дискурса «пиарного кошмара» является оценка исследователями широкой аудитории как безнадежно невежественной, с которой просто нет смысла разговаривать (Ho, Loo, Goh, 2020). Другое исследование показало, что основным мотиватором для ученых являлось желание способствовать общественному благосостоянию и обеспечить финансирование своих исследований, а американские и британские исследователи в целом предпочитают взаимодействовать с аудиторией опосредованно – в первую очередь через научных журналистов (Besley, Nisbet, 2013).

Наиболее свежие исследования этой проблематики также говорят о том, что ученые в большинстве своем пока не готовы взять на себя дополнительную работу по просвещению аудитории и в любом случае видят взаимодействие с массовой аудиторией скорее как процесс информирования, чем как двустороннюю коммуникацию (Rajput, Sharma, 2023; Nerghes, Mulder, Lee, 2022).

Четвертая группа работ – многочисленные исследования практик представителей отдельных дисциплин, нацеленных на аспекты, которые лишь косвенно связаны с взаимодействием с широкой аудиторией. В такого рода статьях рассматриваются самые разные аспекты коммуникации исследователей, в том числе в кон-

тексте ценностей и практик открытой науки (Boero, 2017; Whitworth, Friedman, 2009; Антопольский, 2019; Severin, Egger, Eve, Hürlimann, 2020; Ross-Hellauer, 2017), использования альтметрик (Slyder, Stein, Sams, Walker et al., 2011; Cyranoski, 2017), воздействия Интернета на научное сообщество, его структуру и социальные практики (Gläser, 2003), изменения подходов к ссылкам на предыдущие работы и цитированию (Hyland, Jiang, 2016; 2017), привычек и практик взаимодействия с научной информацией (Van Noorden, 2014; Tenopir, Christian, Kaufman, 2019), коллабораций, авторства (McKee, Stamison, Bahnmaier, 2014) и использования социальных медиа (Siler 2012; Hyland 2015; Alhoori, Samaka, Furuta, Fox, 2019), научного мошенничества и неэтичных практик различного рода (Frias-Navarro. Pascual-Soler, Perezgonzalez, Monterde-i-Bort et al, 2022) и т. п.

Мы не будем подробно останавливаться на этих работах, так как, хотя они и помогают многое прояснить в вопросах, касающихся практик и норм научной коммуникации, их действительно очень много и они крайне разнообразны, но сосредоточены на отдельных аспектах, поэтому их полноценное рассмотрение возможно только в рамках специальной работы.

Наше исследование связано с каждой из описанных групп работ, потому что, хотя мы рассчитывали в первую очередь сосредоточиться на вопросе о том, каким исследователи видят «правильное», то есть присущее идеальному ученому поведение, полученные ответы в значительной степени связаны именно с существующими практиками и текущим положением дел.

Методика исследования

Описанные выше тенденции в большинстве случаев гораздо ярче проявляются в области социальных и гуманитарных наук (возможно, кроме перехода к открытому доступу). Кроме того, особенности коммуникации, характерные для ситуаций постнормальной науки, требуют исследовательской повестки, которая очень тесно связана с актуальными социальными проблемами. В связи с этим мы решили, что пример исследователей медиа и коммуникации может быть очень показательным в плане выявления новых норм и сосуществования разных нормативных представлений.

Для опроса мы использовали базу статей из категории «*Communication*» *Web of Science* за 2019 г., которая содержала в том числе имена авторов и электронные адреса (чаще только для *correspondent author,* но в некоторых случаях присутствовали контакты и других авторов). Рассылка осуществлялась через электронную почту Московского университета в случае коммуникации с российскими исследователями и через обычный почтовый ящик на «Яндексе» в случае с зарубежными учеными. Всего рассылка была сделана на 4 644 адреса, однако нужно учитывать, что значительной части адресатов письмо не было доставлено – вероятно, в связи с наличием в нем внешней ссылки, «Яндекса» в качестве источника письма, некорректных данных в *WoS* и т. п. В общей сложности мы получили 321 заполненную анкету: 125 от исследователей из России, 92 из условных «стран Запада»[1] и еще 104 – из других стран.

Мы не будем приводить данные о поле и возрасте респондентов, так как в контексте рассматриваемых вопросов это вряд ли имеет большое значение, однако для лучшего понимания состава опрошенных представим информацию об их исследовательском стаже (табл. 1).

Таблица 1

Исследовательский стаж респондентов (321 опрошенный)

Исследовательский стаж, лет	**Кол-во опрошенных, чел.**	**Доля респондентов, %**
11-25	161	50
26-40	62	19
6-10	58	18
41 и более	20	6
4-5	15	5
до 3	5	2
Всего	321	100

Как видно из таблицы, в опросе приняли участие преимущественно люди с довольно внушительным исследовательским стажем, что позволяет считать их глубоко интегрированными в жизнь и практики сообщества.

Конечно, мы не рассматриваем результаты опроса как репрезентативные по отношению ко всему сообществу исследователей медиа и коммуникации, в то же время нам представляется значимой оценка спектра взглядов, особенно зафиксированных в комментариях, которыми респонденты поясняли свой ответ. На представлении именно этих результатов мы и сосредоточимся в данной статье.

Анкета содержала несколько разделов, однако здесь мы будем говорить только о том, что касается норм научной коммуникации – как внутри научного сообщества, так и за его пределами.

Исследовательские вопросы мы сформулировали следующим образом:

1) Насколько представления современных исследователей медиа и коммуникации соотносятся с нормами и практиками ученых, ранее описанными в научной литературе?

2) Существуют ли общепринятые нормы научной коммуникации внутри сообщества медиаисследователей? И если да, то что они собой представляют?

Комментарии к вопросам/утверждениям не были обязательными для всех заполнивших анкету, однако, повторимся, мы в данном случае опираемся в первую очередь на качественный, а не количественный подход. Выявленный же спектр оценок позволяет не столько что-то однозначно установить в отношении сообщества медиаисследователей в целом, сколько сформулировать гипотезы для последующих научных изысканий.

Результаты исследования

Все утверждения, приведенные в анкете, мы разделили на два блока:

– наука и общество,

– политика и социальная ответственность ученого,

что обусловлено в большей степени удобством знакомства с данными, чем содержанием тезисов, так как они все тесно связаны.

При заполнении анкеты респондентам было необходимо ответить, насколько они согласны с тем или иным высказыванием по шкале, где 0 – абсолютно не согласен, 10 – полностью согласен. Для большей наглядности мы приводим полученные результаты

в виде диаграмм, где ответы 0–1 значат «абсолютно не согласен», 2–4 – «скорее не согласен», 5 – «50/50», 6–8 – «скорее согласен», 9–10 – «полностью согласен». Как уже было сказано, мы не претендуем на репрезентативность данных, диаграммы приводятся лишь для того, чтобы дать представление о распределении ответов среди респондентов. Количество комментариев к разным утверждениям варьировалось от 56 до 122, что, судя по содержанию ответов, в значительной степени отражает степень остроты и болезненности вопроса для респондентов. В скобках после цитаты приводится ответ ее автора к предложенному утверждению (от 0 до 10), а в блоке «наука и общество» – и номер диаграммы (д1, д2 и т. д.), к которой ответ относится.

Изначально предполагалось, что ответы будут отражать в первую очередь позиции, которые исследователь считает правильным (идеальным) поведением, даже если он сам не обязательно им соответствует. Но в результате, как мы поняли из комментариев, большая часть опрошенных в значительной степени ориентировалась на то, как реально ведут себя коллеги и они сами, то есть обсуждение норм науки было реализовано в практическом, а не нормативном аспекте.

Наука и общество

Чтобы понять, насколько сильны тенденции, связанные со сближением науки и общества и переориентацией работы на «всеобщее благо» вместо «блага науки», мы предложили респондентам три пары утверждений, отражающих концептуально противоположные позиции (по крайней мере, такими они предполагаются теоретически). Так как содержательно комментарии к обоим ответам тесно связаны по смыслу, мы не разделяли ответы к каждой паре утверждений.

Первая пара тезисов была призвана установить: исследователи в большей степени ориентированы на внешние или на внутренние стимулы в работе – благо науки и научного сообщества или общества в целом (рис. 1 и 2).

Рисунок 1. Исследователь в первую очередь служит науке и научному сообществу.

Рисунок 2. Главная миссия исследователя – служить обществу.

По диаграммам заметно, что идея служения обществу респондентам гораздо ближе, но это связано в том числе с проблемой трактовки утверждения: так, некоторые респонденты разделяют научное сообщество и науку, то есть лишь частично согласны с утверждением, потому что считают первоочередным «служение истине» (д1, 5):

«Абсолют в этой системе – знание и истина, служение им и есть абсолютная цель исследователя» (д1, 9).

Даже те, кто скорее согласен с утверждением о первоочередной роли науки, довольно далеки в своей мотивации от описанного в литературе идеала «чистого ученого» и учитывают потребности общества:

«Главная миссия – добывать новое научно обоснованное знание, которое уже в свою очередь может принести благо обществу» (д2, 7).

Впрочем, и служение обществу аналогичным образом иногда принимается за неизбежный результат научной деятельности, а не ее этическую основу:

«Независимо от собственных намерений исследователя, обычно это [служение обществу] так и происходит» (д2, 6).

«А для чего ещё? Даже если результаты сегодня не очевидны, в будущем они могут сыграть важную роль в общем прогрессе» (д2, 10).

Кроме того, в своих оценках респонденты разделяют процесс и результат работы:

«Служить науке нужно в одном, а обществу – в другом. Служить обществу нужно в целом любым честным трудом. А служим мы науке так или иначе, независимо от того, служим ли обществу, – когда работаем сверхурочно, бесплатно делаем рецензии, пишем и переписываем научные работы» (д1, 2).

И если результат работы должен приносить пользу обществу, то это не значит, что оно может определять условия или направления научной деятельности за исследователей:

«Он/она служит обществу, но нормы и стандарты должны устанавливаться научным сообществом» (д1, 5).

«Важно служить обществу, но если общество отличается мракобесием и жжет книги, сажает ученых, запрещает целые разделы науки, то служить нужно науке, и этим послужишь обществу» (д2, 8).

«Если «служение обществу» означает производство полезных знаний, тогда да... если это означает, что общество диктует, что и как следует исследовать, то нет. Есть недавний пример в Японии, где все финансирование гуманитарных исследований было прекращено, чтобы обеспечить прикладные, потому что они более “полезны”» (д2, 5).

Как видно в том числе по данным диаграммы 2, идея служения обществу гораздо более созвучна большей части опрошенных, считающих неправильным жить в башне из слоновой кости (д1, 5; д2,10):

«Открытия не могут быть самоцелью, если не учитывают вопрос ответственности результатов полученных исследований для общества» (д2, 10).

«Миссия ученых – служить обществу. Нельзя быть ни университетским бюрократом, ни профессором без социальных обязательств. В наше время актуально распространение научных знаний, которые производятся в научных организациях на государственные деньги. Университеты и научные организации также привержены этой идее, хотя и не всегда ей следуют» (д2, 9).

«Я твердо убежден, что основная цель исследователя — принести пользу обществу, а затем уже следуют другие интересы. Какая польза от исследования, если его результаты предназначены не для общества в целом, а для нескольких людей?» (д2, 10).

Некоторые исследователи говорят о служении не абстрактному обществу в целом, а конкретным сообществам, перед которыми они чувствуют ответственность или которым могут помочь, или же привязаны к конкретным программам:

«Как прикладной лингвист, я работаю с темами, актуальными для моего сообщества» (д1, 0).

«Результаты научной деятельности должны быть направлены на благо общества и реализацию целей устойчивого развития ЮНЕСКО» (д1, 0).

Кроме того, можно выделить еще несколько групп ответов, в которых респонденты предлагают иной взгляд на проблему – в некоторым отрыве от проблем социальной миссии и служения истине, в которых научная деятельность представляется как:

– служение государству, в том числе «престижу своей страны», хотя в некоторых случаях речь фактически также идет о социальной ответственности:

«Исследователь должен работать на благо своей Родины, его разработки должны способствовать социально-экономическому, духовному, научному, техническому, медицинскому и т. д. развитию. Не представляю, как можно заниматься научной деятельностью исключительно для самой науки и научного сообщества. Если научные разработки не приносят пользу человеку, какая необходимость в науке?» (д1, 5).

– работа в своих интересах:

«У исследователя есть обязательства перед своими коллегами, а также перед человечеством. Но на практике многие исследователи служат в первую очередь самим себе» (д1, 7).

«Считаю, что главная миссия исследователя – заниматься тем, что ему интересно и что у него хорошо получается, и стараться максимально объективно анализировать и представлять результаты исследований. Нужды общества слишком быстро меняются. То, что востребовано обществом сейчас, может оказаться неактуальным завтра, и наоборот» (д2, 0).

Кроме того, довольно часто также звучала идея о том, что научная деятельность – это в первую очередь работа за зарплату, которая требует конкретных результатов и отчетности:

«Рассуждая абстрактно, исследователь служит и науке, и научному сообществу, и обществу, и государству. Но анализируя конкретную ситуацию выясняется, что он работает на конкретном рабочем месте и служит/работает у работодателя» (д1, 5).

«В идеале – да, на практике исследовательская деятельность – работа, за которую платят деньги. Часто выполняешь что-то, чтобы выжить и не подрабатывать репетиторством» (д1, 5).

«Должно быть так, но на практике получается иначе, ведь исследователь находится в жёстких рамках и зачастую публикуется ради просто публикации, потому что требует начальство. В данном случае интересы общества не имеют большого значения» (д2, 5).

Однако в последнем случае речь однозначно идет не о каких-то нормативных оценках, а о сложившихся практиках, о которых респонденты скорее сожалеют.

В целом из ответов понятно, что исследователи очень далеки от противопоставлений интересов науки и общества. Кроме того, можно отметить явную практикоориентированность исследователей медиа и коммуникации, которая во многом связана с особенностями данной научной дисциплины, что, вероятно, определяет и ориентацию большинства респондентов на общественное благо, которое представляется во многих случаях вполне прикладным.

Второй аспект, который мы хотели прояснить, – представления о том, кто должен определять направления развития науки: это должны быть внешние воздействия со стороны общества или в первую очередь внутренние основания (рис. 3 и 4).

Рисунок 3. Развитие науки должно определяться потребностями общества.

Рисунок 4. Научное сообщество само должно определять направления развития науки.

Некоторые из респондентов, поддерживающие тезис о том, что наука должна развиваться в ориентации на потребности общества, основывают свое мнение не столько на идее социального служения, сколько на том разрыве между наукой и практикой, который наблюдают сейчас в исследованиях:

«Отвечу, что больше да, чем нет, и вот почему. В российской медианауке слишком часты статьи, авторы которых не могут привязать исследовательский вопрос к реальной проблеме, и считают, что если они решили что-то посчитать или поописывать, то результат интересен сам по себе. А это не так, и я ставлю свой score в знак протеста против этого, желая привлечь к этой проблеме внимание. Если же говорить об автономии науки (см. следующий вопрос), то: 1) автономия науки должна быть обеспечена; 2) в то же время должны быть налажены связи с индустриями в прикладных исследованиях, потому что наука часто отстает от запросов конкретных индустрий» (д3, 7).

Часть респондентов высказалась о необходимости перепоручить политические вопросы соответствующим организациям и экспер-

там, потому что, с их точки зрения, научное сообщество самостоятельно не способно определить направления исследований:

«С этим должны работать эксперты, такие как в ЮНЕСКО» (д3, 10).

«Представители научного сообщества не в курсе всех тем и часто бывают слишком сосредоточены на прибыли и личных отношениях» (д4, 1).

«Научное сообщество может ошибаться. Определение перспективных направлений развития науки на десятилетия должно осуществляться коллективным разумом на основе экспертных знаний (методом форсайта, вероятно)» (д4, 7).

Однако значительная часть респондентов считает, что общество не способно решить, что ему нужно, при этом ценность тех или иных открытий иногда становится понятной далеко не сразу. Поэтому ориентироваться на представления общества о том, как должна развиваться наука, не стоит:

«Потребности общества меняются, а результаты научных открытий нередко бывают востребованы спустя века» (д3, 0).

«Общество не способно понять и выразить, что ему нужно» (д3, 0).

Еще один аргумент против привязки к манифестируемым общественным интересам – утверждение о том, что от имени общества часто говорят те, кто на самом деле не имеет представления о его потребностях:

«Но кто определяет «потребности общества»? Сегодня это недальновидные политики, жадные бизнесмены и плохие журналисты. Да, общество имеет значение, некоторые приоритеты становятся очевидными. Но ученые также могут сказать, что важно и каковы приоритеты. Они указали на проблемы потепления климата, риски загрязнения окружающей среды и риски имущественного неравенства за много лет до политиков» (д3, 5).

«Общество не социальный институт, абстрактная категория. Ресурсы же в России выделяют конкретные властные структуры, представители которых не всегда компетентны» (д3, 5).

«Передовые исследования, как правило, предопределяют то, что, по нашему мнению, необходимо обществу. Как определяются такие потребности? Кто решает? В моей стране недавно произошло вмешательство министерства в процессы грантового финансирования, теперь один человек имеет право определять, что это за потребности» (д3, 4).

«Проблема с этим утверждением в том, что оно предполагает наличие некоего консенсуса относительно потребностей общества. Я считаю, что исследователи должны описывать социальные эффекты своей работы в процессе поиска финансирования и что коллеги-ученые могут принять это во внимание при принятии решения о том, какие исследования финансировать» (д3, 3).

Эти рассуждения продолжает идея о том, что именно наука должна определять потребности общества, особенно в том, что касается фундаментальных исследований, значение которых становится понятным только в долгосрочной перспективе:

«Наука в своём развитии может опережать потребности общества, что впоследствии может значительно расширить его возможности. Кроме того, фундаментальные научные исследования не соотносятся с текущими потребностями общества в принципе» (д3, 3).

«Знания существуют ради знаний, и, хотя все исследования в той или иной степени влияют на общество, исследования не должны ограничиваться только практическими целями» (д3, 4).

Есть также мнение, что только сами исследователи понимают, как развивается наука и проводятся научные исследования, поэтому только они и могут определять направления и цели этой работы.

Другие респонденты замечают, что решение в значительной степени зависит от ситуации, то есть области науки, самих научных результатов, степени их инновационности и др.:

«Научные исследования, результаты которых оказывают или могут оказать негативное влияние на общество (ядерная физика, разработки в области ИИ, медицинские исследования, т.н. «социальный инжиниринг» и т.п.), должны регулироваться обществом. В остальных случаях развитие науки должно определяться исключительно идеалами науки и исследовательской целесообразностью» (д3, 6).

«Многие новации – результат либо случайности, либо упрямства/упорства одного человека. Появление нового вопреки. Современники не всегда способны оценить новацию. Современники не всегда умеют использовать новацию. Исследователь не всегда способен объяснить смысл того, что он сделал. Исследователь порой сам не понимает, что у него получилось» (д3, 5).

Наиболее взвешенная и сбалансированная позиция предполагает необходимость учесть интересы всех участников научного процесса:

«На практике всё равно это в той или иной степени согласование интересов поддерживающего науку субъекта и исследователя (группы)» (д4, 8).

«Научное сообщество само должно определять направления развития науки до тех пор, пока это развитие не начинает иметь выраженный негативный социальный эффект» (д4, 9).

Кроме того, небольшая группа исследователей прагматично говорит о том, что это вопрос скорее финансовый, чем философский:

«Это не очень реалистично. Не бывает научного сообщества вне системы общественных микрополитик. Тот же государственный вуз финансируется государством, потому уже есть приоритеты» (д4, 5).

«Поскольку исследования финансируется государством, я не могу с этим [самостоятельным определением исследователями направлений работы] согласиться» (д4, 3).

Из ответов заметно в первую очередь отсутствие какой-то конкретной выраженной идеологической позиции. И необходимость управлять исследованиями автономно, и призыв обратиться к внешним экспертам проистекают или из уже приобретенного негативного опыта неэффективного менеджмента, или из сомнений в компетентности коллег/представителей индустрии, общественных организаций или государства.

Третья пара утверждений призвана прояснить все те же концептуальные вопросы, однако уже в разрезе наиболее активно используемых в научном сообществе метрик эффективности (рис. 5 и 6).

Рисунок 5. Главная мера эффективности работы ученого – количество цитирований.

Рисунок 6. Альтернативные метрики – важный показатель эффективности работы ученого.

В целом отношение исследователей к метрикам сложно назвать позитивным, хотя несколько комментариев и содержали мнение о том, что цитирования важны для научной коммуникации:

«Несмотря на то, что большинство ученых обозлены на скопусоманию, я считаю, что цитирования очень важны и что должна развиваться культура грамотного цитирования, а еще прежде – культура чтения работ друг друга! Тогда и воплей о вреде ориентации на цитирование будет меньше» (д5, 7).

«Формально – да, но не совсем так – можно опубликовать одну работу, которая перевернет мир, а можно плодить массу бессмысленных текстов, которые будут цитировать. Хотя цитируют, как правило, хорошие работы» (д5, 6).

Альтернативные метрики, по мнению респондентов, могут служить хорошим дополнением к традиционным инструментам оценки, что не снижает значения показателей цитирования:

«На основе числа скачиваний статьи и ее просмотров, закладок, обсуждения публикации в сетях и т. п. Однако и традиционные метрики (число цитирований, импакт-фактор журнала) нельзя умалять» (д6, 5).

«Разные исследователи могут вносить свой вклад в науку поразному: одни публиковать статьи, которые активно цитируются, другие – влиять через обучение практиков, преподавание, ведение блога и т. д.» (д6, 8).

Тем не менее большинство комментариев посвящено несовершенству количественных показателей, в том числе:

– бессмысленности их применения в рамках отдельных тем и дисциплин:

«Есть много тем, которыми занимается малое количество специалистов, какие-то работы становятся широко известными только после смерти исследователя и т.д. Количество цитирований не должно быть главным критерием эффективности работы ученого» (д5, 0).

«Если над одной темой работают два человека, количество цитат, скорее всего, будет небольшим. Кроме того, эффективность – это не популярность или авторитет» (д5, 1).

– невозможности учета контекста цитирования при использовании только числового показателя:

«Не главная точно. Учитывать можно, но не формально. Важно, кто цитирует, где и зачем. Не накручены ли цитирования» (д5, 0).

«А если кого процитировало большое количество ученых, например, в связи с тем, как ошибочно что-то написали, или, например, учёный занимается редким языком, его и не будет цитировать много учёных» (д5, 0).

– использованию показателя вместо всех остальных, которые раньше имели значение при работе в университете, оценка количественных показателей вместо качества:

«Раньше преподаватели занимались тем, что готовились к лекциям, а теперь преподавание заменили громкими лозунгами о науке, а науку заменили наукометрией» (д6, 0).

«С метриками вопрос простой: принципиально не существует метрик, позволяющих оценить работу ученого – по крайней мере, творческую, но не только ее» (д6, 0).

«Метрики – это худшее. Они заставляют нас мериться числами и количеством. А что насчет качества? Иногда требуется годы, чтобы создать хорошую научную работу, и это не должно влиять на мою репутацию как исследователя» (д6, 0).

«Метрики полезны, когда они являются абстракцией. Но институты часто считают, что метрики и есть оценка, а не просто инструмент оценки» (д6, 2).

«Они не являются абсолютными детерминантами научной деятельности исследователя. В развивающихся странах, таких как Нигерия, ученым часто недоступны ресурсы, в том числе финансирование, которые могли бы помочь в их исследованиях. Тем не менее они создают отличные научные работы, помогающие решать проблемы общества. К сожалению, такие достижения не всегда отражаются на их онлайн-рейтингах» (д6, 10).

С точки зрения многих респондентов, цитирования отражают прежде всего социальную активность и социальные отношения, а никак не размер «вклада» в науку:

«Я знаю о научных группах, которые не цитируют работы других исследователей из политических, социальных или даже расистских соображений» (д5, 0).

«Цитирование – показатель включённости в сообщество. При чём тут эффективность деятельности?» (д5, 2).

«Люди могут цитировать начальника лаборатории, потому что он начальник, но его вклад в науку может быть небольшим. Цитирования отражают структуру социальных сетей (networks), не всегда вклад» (д5, 1).

«К сожалению, на практике убедилась, что цитирование – не показатель. Например, негласное правило процитировать потенциальных членов диссовета» (д5, 2).

«С другой стороны, показатель цитируемости – это еще и показатель включенности в сообщество в негативном плане: кто тусуется по конференциям и много публикуется, того и цитируют. Вот перестали мы ездить на конференции после февраля 2022 – и цитирования упали в полтора раза» (д5, 7).

В качестве альтернативы любым наукометрическим показателям респонденты предлагают прежде всего качественный подход к оценке результатов исследований:

«Главная мера эффективности работы ученого – востребованность результатов его исследований в долгосрочной перспективе. При прочих равных эффективнее ученый, воспитавший учеников, создавший научную школу» (д5, 0).

«Цитаты – полезный инструмент для объективной оценки, но они могут поощрять неинновационные работы, соответствующие доминирующим парадигмам, и способствовать профессиональным болезням, в том числе избыточной публикационной активности. Давайте также оценивать инновационный, концептуальный вклад исследователя, учитывая количество новых идей,

которые он/она предлагает, а не только количество цитирований» (д5, 4).

«А в целом труд ученого можно оценить только со временем, потому что никто пока не создал интегральный показатель того, как сочетаются лекционная деятельность, общественная работа, научные результаты и менторинг молодых исследователей в едином показателе влияния на общество и науку» (д5, 7).

Под альтернативными метриками респонденты понимают в первую очередь именно отход от числовых показателей, которые несут мало смысла, то есть не столько дополнительный учет количества прочтений или упоминаний в соцсетях, а в том числе и качественные результаты работы, которые не измеряются цитированиями.

Политика и социальная ответственность ученого

Второй блок вопросов связан в большей степени с теми нормативными изменениями, которые концептуализируются как постнормальные ситуации, – рассматриваются не просто отношения науки с обществом, а в первую очередь включенность в политическую жизнь и зависимость от нее. Идеал «чистого ученого» предполагает, что исследователи не интересуются политикой и не участвуют в политическом процессе, а сама научная сфера существует вне актуальной общественной повестки. С точки зрения наших респондентов, к реальной жизни все это мало применимо (рис. 7).

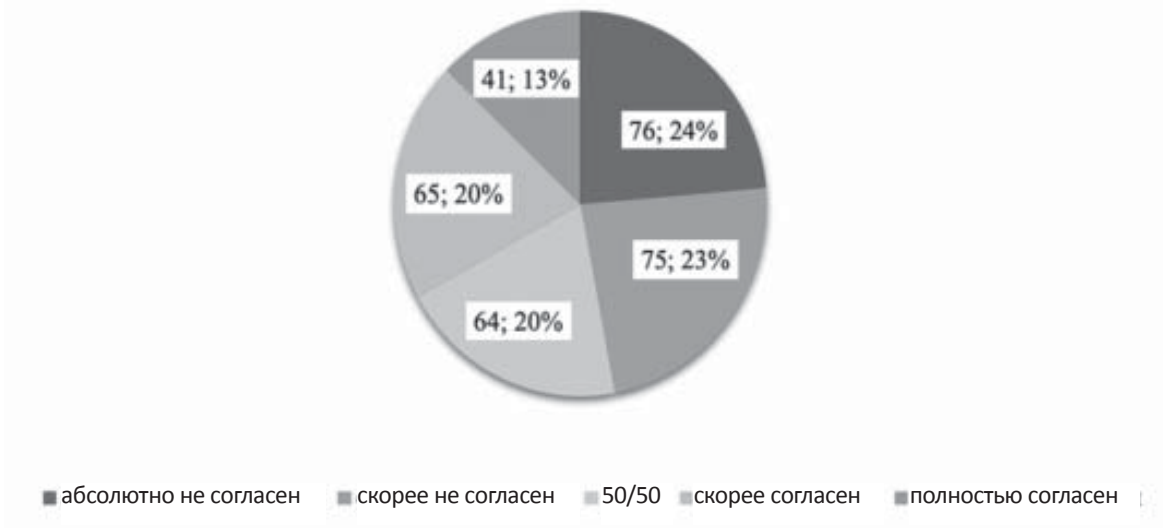

Рисунок 7. Наука всегда вне политики.

Участники опроса отметили, что в идеале наука действительно должна быть вне политики, однако на самом деле так не бывает, причем как на системном уровне:

«История с наступлением Scopus на российских авторов – хорошая иллюстрация вторжения политики. Их требования отрицательно сказываются до сих пор на нашей науке. Принципиально не публиковалась под этим знаменем» (5).

– так и по личному опыту исследователей:

«Хотелось бы, чтобы она была вне, но, к сожалению, это не так. Уже есть опыт, что не берут статьи из-за гражданства» (2).

Многие респонденты указали на то, что наука зависит от политики и так или иначе является частью многих политических процессов:

«По моему опыту, существуют тесные связи между политическими и/или идеологическими силами и академической сферой. Не всегда легко сохранять свои убеждения и независимость. Требуется смелость, сила и преданность, не только своим убеждениям, но также Общему Благу» (5).

«Это зависит от места проживания. В Сингапуре политика, как правило, основывается на науке. В других странах ситуация может быть иной. Кроме того, я считаю, что в большинстве мировых стран исследования, которые получают финансирование, касаются тем, наиболее актуальных для общественной политики» (2).

Наука не может быть вне политики в том числе потому, что исследователи всегда вынуждены учитывать социальный контекст:

«Наука всегда представляет собой процесс культурного производства знаний в конкретном социальном контексте» (0).

«В области гуманитарных и особенно социальных наук трудно быть вне политики. Почти невозможно» (1).

«Классический идеал научности, предполагающий социокультурную автономию, все-таки устарел» (0).

Другие исследователи видят связь науки и политики прежде всего через государственное финансирование, которое и делает влияние политики на исследования неизбежным:

«Непосредственно научные исследования должны быть беспристрастны и методологически корректными, результаты не должны фальсифицироваться для подтверждения каких-либо политических и идеологических требований, установок, убеждений. При этом, естественно, регулирование и финансирование науч-

ных исследований так или иначе зависит от политики государства, и в силу этого наука не может избежать влияния политики вообще» (7).

«Исследования тесно связаны с социальной средой и, следовательно, подвержены воздействию политики через финансирование. Направления исследований формируются под воздействием политических обстоятельств. Опубликованные исследования несут в себе идеологические установки» (2).

«Это зависит от вида науки. Физика, очевидно, менее политична, чем криминология или политология, которые неизбежно напрямую влияют на политический дискурс. Некоторые области, такие как анализ критического дискурса, по своей сути предполагают политический характер. В любом случае, в определенной степени вся наука поддается политическому управлению в том смысле, что политики контролируют значительную часть финансирования университетов» (5).

Кроме того, есть мнение, что в некоторых сферах в приоритете должны быть интересы государства:

«Научные открытия и разработки в области здравоохранения, экологии, иными словами, социально значимых сферах должны быть вне политики, но есть разработки направленные на защиту национальной безопасности государства. если первые должны быть вне политики по гуманитарным соображениям, то вторые должны отвечать потребностям государства, защиты его национальных интересов» (7).

При ответе на этот вопрос респонденты в основном говорили не о нормативных установках – значительная часть тех, кто признает значение политики для науки, комментировали свой ответ с сожалением. При этом респондентов все же можно разделить на две группы: тех, кто считает зависимость науки от политической жизни общества досадным и неизбежным изъяном реальности, и тех, кто согласен с необходимостью ориентироваться в первую очередь на интересы общества, которое, по сути, оплачивает работу научных организаций. Последняя группа состоит преимущественного из зарубежных исследователей.

Следующий вопрос был ориентирован на прояснение одного из упомянутых аспектов – влияние самих исследователей на политические процессы (рис. 8). В условиях «постнормальной» науки это ожидаемое и логичное поведение, однако «чистый» ученый

не включается непосредственно в борьбу и может быть лишь источником данных для сторон конфликта.

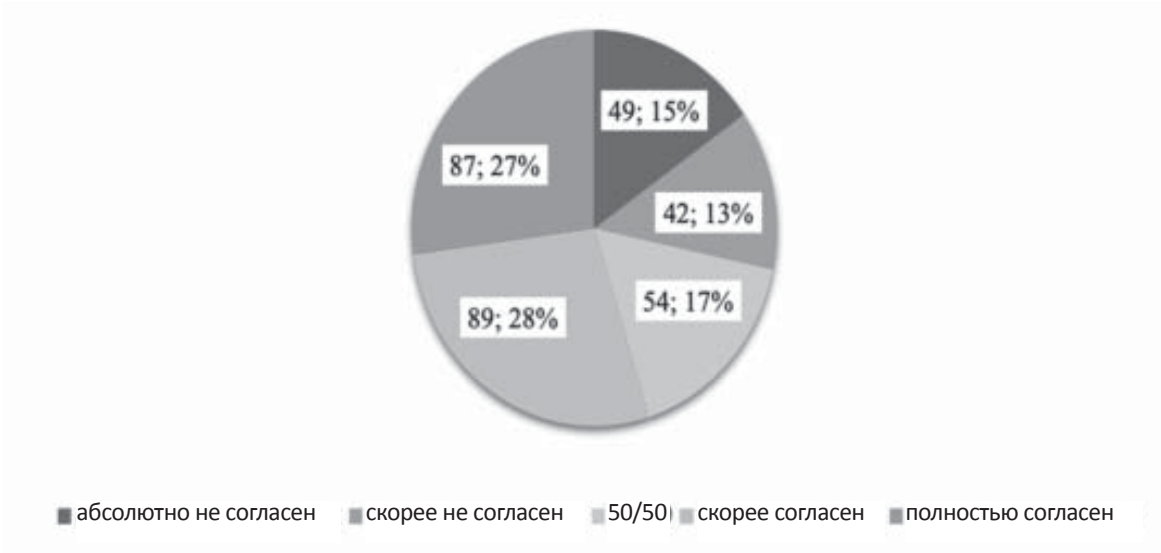

Рисунок 8. Ученый всегда должен быть "над схваткой", он не принимает публично ту или иную сторону в конфликте вокруг общественно значимых вопросов.

Значительная часть опрошенных считает, что ученому стоит стремиться к нейтральности, однако из комментариев к ответам с высокими оценками следует скорее мысль о том, что на практике это часто не работает:

«В идеале, да. Но на практике это чрезвычайно трудно, особенно с исследованиями в развивающихся странах Глобального Юга» (9).

«Должен, но на практике не всегда получается. В "острые" общественные периоды в политику ввязываются все. В менее "острые" – в зависимости от индивидуальных особенностей. Общественно значимые интересы – они на то и значимые, что затрагивают всех, в том числе и иученых» (3).

Более того, в тот момент, когда конфликт становится слишком острым, в том числе в этическом или гражданском смысле, исследователь никак не может остаться в стороне, и это нормально:

«Да – до тех пор, пока это не мешает оставаться человеком. Бывают "невалентные" ситуации (они так называются в политологии), в которых этически нет второй стороны. И тогда какое уж тут "над схваткой". Но ученый в том смысле должен оставаться над схваткой, что должен по максимуму избегать идеологической

и иной ангажированности. И отдавать себе отчет в том, что полностью ее избежать невозможно, а значит – нужно внутренне оценивать ее роль в своей работе» (9).

«Отвлеченные разглагольствования на тему добра и зла ничего не дают. Стоит только конкретизировать: борьба идет между кем и кем, так сразу же ученому становится ясно – может ли он воспарить над этой схваткой или посчитает себя обязанным создать атомную бомбу для ядерного паритета» (5).

До тех пор, пока ты честно подходишь к исследовательскому процессу и соблюдаешь все правила, поддерживать какую-то сторону вполне допустимо. Тем более что иногда у исследователей может быть много реальных причин занять ту или иную позицию и отстаивать ее:

«Ученый может поддерживать ту или иную сторону, но это не дает ему права игнорировать данные, анализ или доказательства, не поддерживающие его позицию. Вы можете быть ученым с религиозными убеждениями, защитником этнических интересов или поддерживать любую другую сторону, но важно всегда осознавать, что ваша позиция может искажать ваше восприятие» (10).

«Зависит от ситуации. Например, в Пакистане мы вынуждены играть роль активистов, чтобы привлечь внимание к гражданским проблемам» (7).

«Часто наука заставляет исследователя занять определенную позицию – например, в исследованиях климата» (6).

Не этичным в этих ситуациях будет скорее уход от конфликта:

«Если от позиции ученого зависит принятие того или иного решения, которое угрожает безопасности государства, как он может быть “над схваткой”? Ученый оказывает огромное влияние на формирование мировоззрения, разных форм и типов его существования, кроме того, в обозначении гражданской позиции. Ученый не может находиться в “коконе”, он на то и исследователь, что должен способствовать развитию общества, искоренению деструктивных явлений из общественной жизни» (0).

«Общественные науки – такие же НАУКИ, как и естественные науки, значит, в этой сфере есть знание об объективном положении вещей, значит, в общественно значимых вопросах настоящий ученый примет сторону истины, а не будет лицемерно изображать, что он “над схваткой” или “вне политики”» (0).

«Учёный должен всегда выступать в пользу общества и менее привилегированных групп» (5).

«Если ученый выступает в своем профессиональном качестве, ему действительно следует говорить о темах, в которых он провел исследования и обладает глубоким пониманием происходящего. В таких случаях он обязан делиться знаниями и экспертизой. Однако важно отметить, что ученые, как и другие люди, могут выражать личные мнения или участвовать в общественном дискурсе вне своей узкоспециализированной области. Важно находить баланс между профессиональной ответственностью и личной позицией» (0).

Ученый, как и все другие люди, имеет право на личное мнение и гражданскую активность, но он должен учитывать и четко обозначать свою социальную роль:

«Спорно. Ученые тоже люди. Как люди, они делают те или иные выборы. Кто-то высказывает позицию – и, пожалуй, реализует себя в другой социальной роли» (5).

«Я думаю, что ученый в качестве ученого должен высказываться по поводу общественно значимых вопросов только в том случае, если они входят в сферу его профессиональной деятельности. В личном качестве (т. е. как частное лицо, не ученый) ученый, как и любой человек, может публично высказывать свое личное мнение – при условии неоднократного подчеркивания, что он/она не является специалистом по данному вопросу и излагает сугубо свое частное мнение» (5).

В то же время нельзя сказать, что противоположное мнение – необходимость сохранения нейтралитета – не разделяет никто из респондентов. Однако соответствующие комментарии были очень редки, а некоторые из них скорее подтверждают взаимосвязь политики и науки.

Таким образом, хотя согласие с тезисом о необходимости быть «над схваткой» выразило большинство респондентов, общее мнение предполагает, что в идеале исследователь все-таки участвует в конфликтах, но не эмоционально, а в качестве источника объективных данных, которые позволяют обществу принять более разумное решение.

Необходимость согласовывать развитие научного процесса с обществом может выражаться не только в определении первооче-

редных направлений исследований, но и в ограничении некоторых изысканий, которые потенциально могут принести какой-то социальный вред. Для значимой части наших респондентов необходимость учитывать такого рода риски не вызывает сомнения (рис. 9), что в целом согласуется с высказанными ранее мнениями о тесной связи науки и общества.

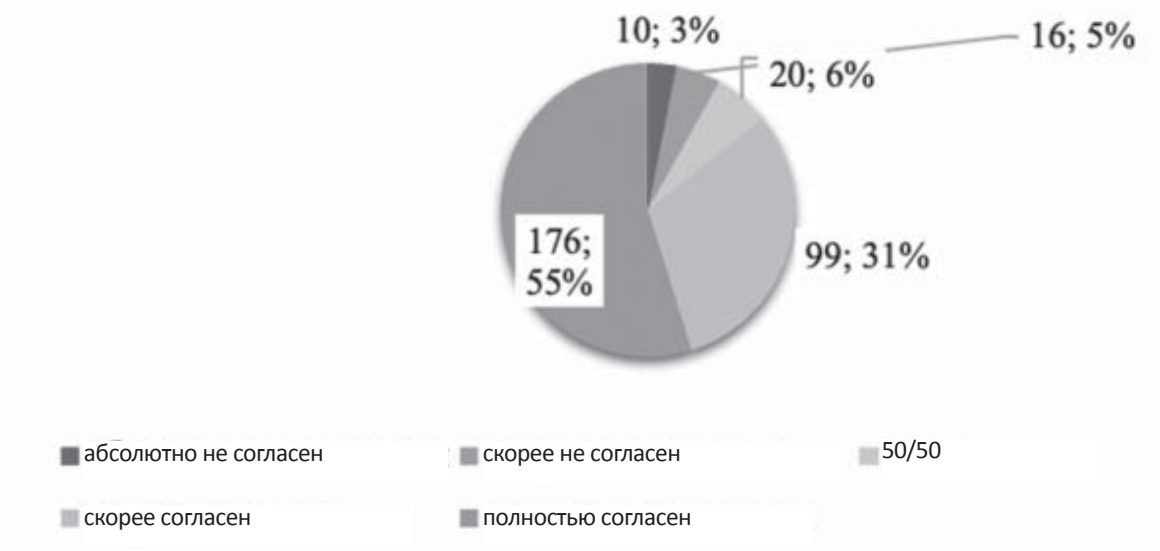

Рисунок 9. При работе над исследованиями ученые должны учитывать то, какой эффект результаты их исследований могут произвести на общество.

Респонденты согласны, что важно учитывать этический аспект, так как наука действительно может оказывать значительное влияние на жизнь общества:

«Этические вопросы должны учитываться на протяжении всего процесса исследования. Это означает, что следует рассматривать влияние вопросов о том, как, где, когда, почему и с кем проводится исследование, и оценивать, служит ли оно общественному благу» (10).

«Это важно для принятия решений о продолжении исследования, а также распространения результатов (как взаимодействовать с обществом, представить ограничения исследования) и выбора методологии» (10).

Некоторые респонденты указали на то, что социальные исследования в принципе мало способны оказать какое-то серьезное

влияние на общество, а потому это вопрос скорее сознательных локальных воздействий со стороны ученого:

«Мы должны помнить, что наши исследования могут иметь практические последствия. Однако, вероятно, мы бы переоценили социальные исследования, думая, что публикация их результатов мгновенно изменит социальный мир (по крайней мере, это не происходит в 99,9% ситуаций). То, что я буду учитывать, – как я могу донести результаты своего исследования до тех, кто страдает от социального неравенства, как я могу внести полезный вклад в общественные обсуждения, при этом не сотрудничая с антидемократическими силами (я отказываюсь участвовать в культурных программах на C-News, французском эквиваленте Fox News, так как не хочу сотрудничать с людьми, распространяющими ненависть, расизм и экстремистские взгляды)» (3).

Однако некоторые респонденты не разделяют эту позицию и считают, что наука должна развиваться вне зависимости от потенциальных рисков, тем более что их практически невозможно корректно оценить:

«Я думаю, мы не можем предсказать, какой эффект производят наши исследования» (5).

«Радий все равно надо было открыть!» (0).

«Правда – какой смысл учитывать... Если ты будет тормозить исследования, то кто-то из научного сообщества так или иначе придет к тому же чуть раньше или позже. Поэтому учитывай-не учитывай – неважно... Важно, что гуманитарное развитие поспевало за тех. прогрессом» (8).

Забота о потенциальных социальных рисках связана в первую очередь с вопросами коммуникации с обществом об исследовании и степени открытости результатов для широкой аудитории. Мнения о том, что само проведение такого рода изысканий может быть ограничено, практически не встречается.

Следующий вопрос был связан с проблемой, которая набирает в мире актуальность, – вопросом уважения чувств отдельных людей и социальных групп при проведении исследований (рис. 10).

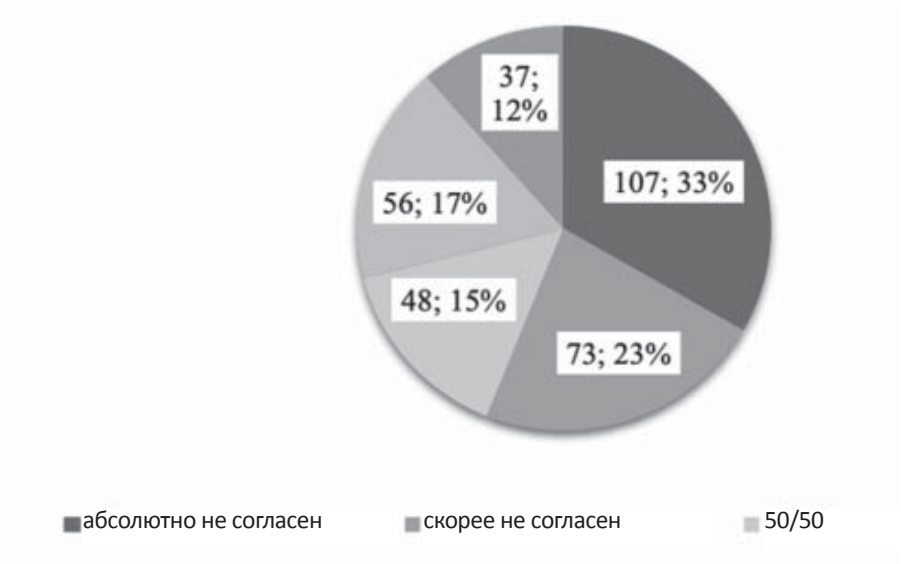

Рисунок 10. Если тема исследования или его результаты могут оскорбить чьи-то чувства, его не стоит проводить / публиковать.

Несмотря на довольно большой разброс выбранных вариантов ответов, отраженный на диаграмме, в своих комментариях респонденты оказались довольно единодушны. Даже в тех случаях, когда чьи-то чувства могут быть задеты, исследование необходимо проводить, однако вопрос о его публикации, тем более в открытом доступе, нужно рассматривать отдельно:

«Нельзя публиковать. Но для науки нет закрытых тем» (0).

«Нельзя закрывать научные направления, но полученный материал, видимо, должен быть в пользовании круга специалистов, для которых он представляет научный интерес» (3).

Исследования также могут служить снижению социальной напряженности и конфликтного потенциала в сложных общественных вопросах:

«Его необходимо проводить. Научное исследование направлено на снятие подобных оскорблений и недопониманий» (0).

И все-таки некоторые ограничения возможны, если речь идет о дискриминации уязвимых социальных групп:

«Безусловно, “оскорбление чувств” не может использоваться как научный аргумент. Ставлю 1, а не 0, по одной важной причине. Причина эта в том, что мысль об “оскорблении чувств” отдаленно напоминает идею *feminist social studies* о том, что в современной науке большое неравенство в том, кто занимает места профессуры в ведущих университетах, ведет к тому, что исслед.

вопросы ставятся с позиции белого богатого мужчины 40+. А требуется, чтобы исслед.вопросы ставились с позиций самых разных социальных групп, в первую очередь – уязвимых. Так что следует помнить о том, что самой постановкой вопроса можно задеть чьи-то чувства вполне себе по-настоящему» (1).

«Если исследование не грозит нанесением явного вреда (не влечёт за собой дискриминацию или геноцид каких-либо групп), оно может быть проведено и опубликовано» (0).

Возможно, согласие с предложенным тезисом в большей степени касается ситуаций нарушения базовых этических норм, которое респонденты считают недопустимым:

«Наука – не про чувства и обиды. Наука – про знание и истину. Однако в научных публикациях личные оскорбления и в целом персональная адресация, безусловно, должны быть исключены, равно как и любые суждения оценочного характера (особенно шовинистического, ксенофобного, расистского и иже с ними толка)» (2).

«Результат научного исследования в принципе не может никого оскорбить. Но автор должен корректно с т. з. методологии научного исследования сформулировать постановку проблемы, гипотезу, результаты и выводы. «Оскорбительность» может появиться лишь при недостаточной серьёзной работе при формулировке гипотезы» (9).

В целом респонденты считают, что при условии использования корректной методологии и соблюдения научных норм (в данном случае в техническом плане) можно проводить исследования практически на любую тему. Степень чувствительности вопроса может влиять лишь на выбор места для публикации, но никак не предмета для изучения.

Значительная часть респондентов считает работу по объяснению научных проблем широкой аудитории частью своих профессиональных обязанностей (рис. 11).

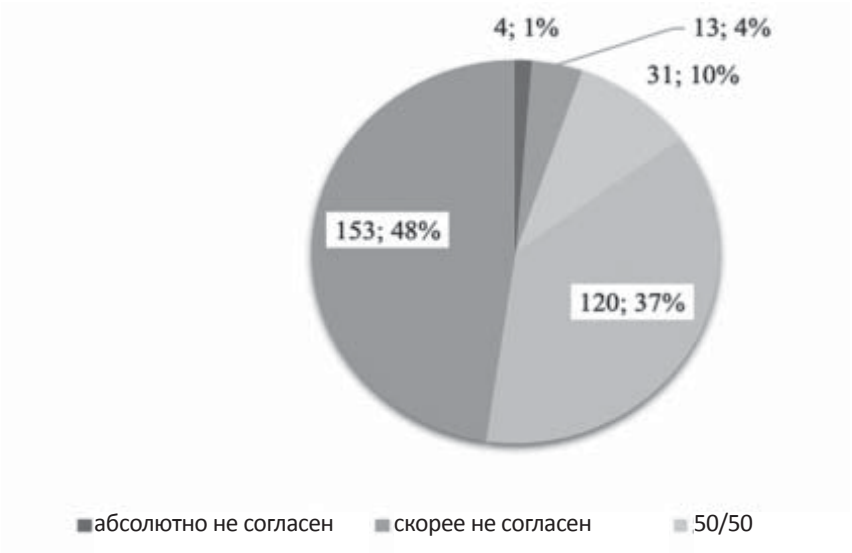

Рисунок 11. Общение с широкой аудиторией и объяснение научных проблем из своей сферы обществу – часть работы современного ученого.

Среди участников опроса в отношении этого тезиса почти сформировался консенсус: даже те, кто согласны лишь частично, признают важность такой работы:

«Я занимаюсь юриспруденцией и разработкой законопроектов и считаю полезным, чтобы общественность понимала причины разработки тех или иных законов, а также то, как они разрабатываются» (10).

«Сегодня это вряд ли так, но так должно быть непременно» (5).

Тем не менее есть и противники активной коммуникации с массовой аудиторией, на основе собранных ответов можно выделить три группы аргументов:

– ученый тратит время на популяризацию, хотя мог бы быть гораздо более продуктивным, занимаясь в это время исследованиями;

– популяризация часто становится обязанностью с подачи чиновников, которые заботятся не о науке, а о рекламе для себя;

– научные журналисты гораздо лучше справятся с этой задачей, так как у них есть необходимые для этого навыки, а вот у исследователей отсутствует соответствующая подготовка.

Таким образом, и среди наших респондентов мы встретили несколько комментариев, говорящих об актуальности эффекта Сагана в том числе для сообщества исследователей медиа:

«Популяризаций обычно занимаются ученые, которые были бы гораздо продуктивнее, если бы посвящали это время исследованиям» (3).

Работа по популяризации результатов исследований представляется респондентам крайне важной, однако содержание комментариев говорит о том, что на данный момент респонденты в основном не готовы серьезно заниматься этой работой и предпочли бы оставить просветительские функции за научными журналистами.

Вопрос публикации в открытом доступе результатов тоже не вызывает больших споров (рис. 12), особенно в контексте обсуждения науки, финансируемой государством.

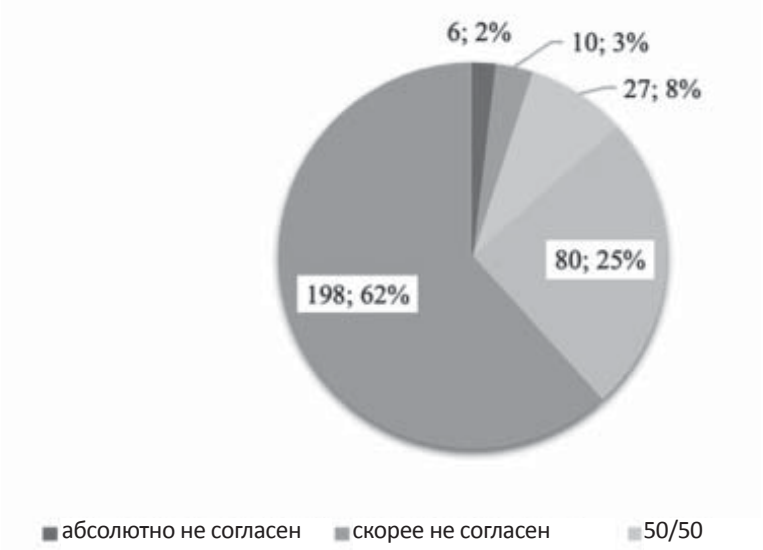

Рисунок 12. Все люди, в том числе не имеющие отношения к научной деятельности или соответствующей профессиональной сфере, должны иметь доступ к результатам научных исследований.

Основная аргументация довольно очевидна и согласуется с тем, о чем говорят популяризаторы открытой науки:

«А почему не должны? Наука создаётся для общего блага и должна быть открыта для народа, даже тем, кто к науке не имеет никакого отношения и кто в ней не разбирается.» (10)

«Свободный доступ к результатам научных исследований способствует развитию образования, меняет мировоззрение новых поколений!» (10).

«Это компенсация социальных затрат, которые общество несет для содержания науки» (10).

В то же время неограниченный доступ к результатам исследований у некоторых ученых вызывает опасения, поэтому не все области науки могут быть открыты:

«За исключением стратегической информации, которая нуждается в защите и эффективном управлении» (8).

«До тех пор пока результаты не защищены законом о тайне или могут привести к негативным последствиям» (8).

Кроме того, исследования, которые касаются особо чувствительных тем, также не всегда должны быть доступны тем, кто не может их оценить с профессиональных позиций:

«Есть исследования, которые не всегда должны быть в открытом доступе, могут быть опубликованы в специализированных журналах. Например, в этносоциологии – изучение этнических стереотипов настолько «тонкая материя», что может ухудшить взаимоотношения между этническими образованиями – *специалисты поймут природу* стереотипизации, читатель не всегда. И таких разделов в науке немало» (6).

«Нет. Научные результаты существуют в определенном контексте. И читать их нужно именно в контексте» (4).

«Согласен, но мы должны признать, что специфический язык науки препятствует распространению научных знаний, т. к. наука – высокоспециализированная сфера человеческой деятельности. Тем не менее это не исключает и не умаляет усилия по популяризации научных знаний» (7).

Другие респонденты считают, что раз у людей нет достаточных знаний и компетенций, доступ к информации не нужен или может быть обеспечен только в случае, если это не потребует значительных ресурсов:

«Доступ к результатам научных исследований должны иметь люди, имеющие отношение к научной деятельности. Людям, не имеющим отношения к научной деятельности, чтобы понять результаты исследований, необходимо сначала получить необходимые базовые знания» (3).

Либо это все-таки должен быть доступ не к исходным результатам исследований, а к уже переработанной информации, которая понятна всем:

«Главное, чтобы они могли их правильно интерпретировать, поэтому доступ должен быть на “корректном” языке» (7).

Таким образом, хотя никто не отрицает право общества на доступ к результатам исследований, профинансированных за счет

государства, реальная необходимость, а в случае сложных тем и возможность, такой открытости вызывает у респондентов сомнения. Вероятно, результаты, которые мы видим на диаграмме, были бы значительно скорректированы, если бы речь шла об обязательном открытом доступе ко всем исследованиям, так как к нему сообщество, по-видимому, еще не вполне готово.

Выводы и дискуссия

Результаты нашего опроса во многом обусловлены тем, что медиакоммуникация – практикоориентированная дисциплина, а ее исследователи зачастую довольно тесно связаны с индустрией. Вероятно, отсюда и столь проявленное стремление служить обществу, в том числе в научной деятельности, которое продиктовано желанием строить связи с индустрией и работать в интеграции с ней, видеть в качестве результата работы не просто опубликованные статьи, а что-то практически полезное. Логично, что с таких позиций служение науке воспринимается в большей степени как абстракция, хотя и не вызывает какого-то явного отчуждения или негативной реакции.

Если же говорить о соответствии полученных нами данных результатам предшествовавших исследований и описанных ранее теоретических концепций, то здесь мы не нашли особенных противоречий. Нормы Роберта Мертона во многом по-прежнему актуальны, хотя и не реализуются в полной мере (что, вероятно, всегда было так):

– исследователи медиа и коммуникации согласны с тем, что знания должны принадлежать всем и быть свободно доступными, просто сейчас это правило распространяется и за рамки научного сообщества;

– дискриминация исследователей по политическим и другим причинам в основном признается нашими респондентами неправильной (хотя, конечно, по их же замечаниям, иногда происходит);

– респонденты как в исследовательской работе, так и в общественной стремятся к объективности и преимущественно ставят интересы общества выше своих собственных;

– обсуждение признается важной частью научного процесса, но теперь оно также выходит за рамки научного сообщества.

Конечно, противоположные мнения тоже встречались, и контрнормы Яна Митроффа тоже сохраняют актуальность, в том числе и для сообщества медиаисследователей, так как даже в нашей небольшой выборке были комментарии о том, что ученый должен служить в первую очередь себе и своим интересам. Однако это позиция не особенно распространена – или исследователи сами не готовы за собой признавать такое целеполагание.

Концепция постнормальной науки служит хорошим дополнением к традиционным нормам, так как те небольшие несоответствия норм Мертона актуальным этическим установкам, о которых мы писали выше, как раз вполне укладываются в описываемые в рамках *PNS* изменения: восприятие прямой коммуникации с широкой аудиторией как нормы работы исследователя, готовность и даже обязанность участвовать в политике, особенно если результаты исследований помогают направить общественную дискуссию, служение в первую очередь обществу, а не абстрактной истине, а также готовность согласовывать научное развитие с потребностями социума.

Сложно сказать, насколько в нашем случае это отражение общих тенденций, а не специфика практикоориентированной дисциплины, которая тесно связана с актуальной общественно-политической повесткой, но очевидно, что в данном случае концепция *PNS* хорошо подходит для описания нормативных установок ученых.

Если говорить о тенденциях к институциональному поощрению или осуждению популяризаторства, эффект Сагана вряд ли особенно распространен в изучаемом предметном поле. Тем не менее мы встретили несколько высказываний о том, что некоторые исследователи были бы гораздо продуктивнее, если бы занимались научной работой вместо просветительской, причем комментарии принадлежат как российским, так и зарубежным респондентам. Судя по предыдущим работам, для научного сообщества в целом этот эффект гораздо более значим, чем в случае исследователей медиа и коммуникации.

В то же время переориентации с информирования общественности на ее активное вовлечение в научный процесс, о которой упоминалось в литературе, мы не увидели: широкая аудитория все-таки выступает в роли получателя информации, причем только той, которую сочли для нее достаточно безопасной, а в идеале и «перевели» на «обывательский».

Интересно, что принципы открытости обществу и готовности отвечать на его запрос легко декларируются, однако возможность и готовность их реализовывать вызывает некоторые сомнения. Так, наше исследование подтверждает выводы предыдущих работ о том, что ученые пока не готовы взять на себя дополнительную работу по просвещению аудитории: хотя респонденты считают это очень правильной и полезной активностью, в большей степени рассчитывают на ее реализацию научными журналистами.

Вообще тезис о том, что исследователи относятся ко всем «внешним» людям несколько свысока, подтверждается ответами на многие из вопросов анкеты. Исследователи считают необходимым в первую очередь служить обществу, но также полагают, что они сами понимают, что обществу нужно и как это служение должно быть организовано. Роль в общественной дискуссии исследователю отводится не столько как одного из участников, сколько как источника истины, который должен определить исход спора. Особенное внимание обращают на себя также высказывания о том, что исследования по чувствительным или потенциально опасным темам должны публиковаться или распространяться только для внутреннего пользования исследователями, что также демонстрирует отношение ученых к обществу не столько как к объекту служения или партнеру, сколько как к неразумному ребенку, который нуждается в просвещении, однако дозированном и осторожном.

В целом, хотя некоторые установки почти не вызывают противоречий в сообществе, сложно говорить о каких-то разделенных нормах научной коммуникации. Как показал опрос, многие практики и нормативные представления исследователей связаны с социальным и административным контекстом, в котором они работают: наличием привязки к грантовому финансированию, ориентации организации на решение государственных задач или реализации политики конкретных институтов, отношением с местными сообществами и степенью интеграции в их жизнь, загруженностью преподавательскими и иными задачами, не относящимися к исследовательской деятельности, и т. п.

Наибольшие расхождения заметны в вопросах использования разнообразных метрик и прямого участия в общественных процессах и политических конфликтах. При этом необходимость

обеспечения открытого доступа к результатам исследований и популяризации науки, а также ответственного отношения к потенциальным социальным эффектам от исследований практически не взвывает противоречий, хотя и в этих вопросах есть множество нюансов, в которых согласия нет.

Хотя оценки на диаграммах во многих случаях создают впечатление о почти полном согласии среди респондентов по очень многим вопросам, при более детальном рассмотрении ответов становится понятно, что взгляды в деталях довольно сильно различаются, что связано как с большей или меньшей удаленностью от общественной жизни, так и с контекстом работы. Можно предположить наличие двух основных групп респондентов: тех, кто сосредоточен именно на исследовательском процессе, и тех, кто вовлечен в индустрию и общественную деятельность, что могло бы объяснить значительную часть противоречий.

В целом полученные нами ответы оказались довольно сбалансированными, и, хотя они свидетельствуют скорее о том, что идеал «чистого ученого» несколько потерял актуальность, во многих вопросах исследователи вовсе не склонны впадать в крайности и гражданский активизм. В связи с эти нужно отметить, что в нашей выборке в гораздо большей степени представлены российские исследователи, а также коллеги из Южной Америки, стран Азии и Африки, чем западные ученые. Кроме того, как мы полагаем, ответы с отказом от сотрудничества присылали именно наиболее политически активные исследователи, которые могут придерживаться гораздо более крайних взглядов, чем те, что были высказаны нашими респондентами. Конечно, некоторое количество ответов из стран Запада мы тоже получили, но описанное ограничение все-таки нужно иметь в виду при интерпретации полученных результатов: уже то, как много мы получили отказов из-за нашей принадлежности к российской государственной организации, говорит о том, что ученые далеко не свободны от своей политической позиции и зачастую считают нормы и ценности, не имеющие отношения к научной коммуникации, более значимыми, чем нормы науки.

Еще одним важным результатом нашей работы стали некоторые методические выводы. Во многих исследованиях, посвященных изучению норм и практик научной коммуникации, в качестве

основного метода используются опросы с закрытыми ответами, а наш опыт показал, что для адекватного рассмотрения такого рода проблем этого недостаточно. Во многих случаях количественная оценка согласия или несогласия с тем или иным утверждением была на самом деле очень мало связана с приведенным комментарием и реальной позицией респондента, поэтому в качестве предпочтительной методики для работы с данной проблематикой мы видим интервью.

Если говорить о направлениях дальнейших исследований в данной области, как нам кажется, более глубокое понимание взаимосвязей и контекстов, в которых работают исследователи, их вовлеченности в индустриальные процессы могло бы внести важный вклад в развитие представлений о том, как функционирует научное сообщество и система научной коммуникации. Кроме того, видится интересным сопоставление представлений о нормах (пусть и в качестве негласного стандарта поведения, а не идеала) и реальных практик исследователей, потому что как предыдущие работы, так и результаты нашего опроса говорят о том, что во многих случаях нормы и практики бывают очень далеки друг от друга.

Примечания

[1] В данном случае это скорее определение исследовательской культуры, чем географического положения страны: мы отнесли к этой категории не только Евросоюз, США, Канаду и Соединенное Королевство, но и, например, Израиль и Сингапур.

Библиография

Антопольский А. Б. Будущее научных коммуникаций и научной информации // Информация и инновации. 2019. Т. 14. № 1. С. 7–17.

Истон Д. Новая революция в политической науке / пер. *Т. Земляковой* // Judgment Journal. 2015. Т. 1. № 1. С. 1–11.

Порус В. Н., Бажанов В. А. Постнормальная наука: между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 15–33.

Alhoori H., Samaka M., Furuta R., Fox E. (2019) Anatomy of scholarly information behavior patterns in the wake of academic social media platforms. *J Digit Libr* 20, 369–389. DOI: 10.1007/s00799-018-0255-9

Anderson, M. S., Ronning, E. A., Devries, R., Martinson, B. C. (2010) Extending the Mertonian Norms: Scientists' Subscription to Norms of Research. *The Journal of higher education* 81 (3): 366–393. DOI: 10.1353/jhe.0.0095

Barnes S., Dolby R. (1970) The scientific ethos: A deviant viewpoint. *European Journal of Sociology* 11: 3–25.

Bennett W. L., Pfetsch B. (2018) 'Rethinking political communication in a time of disrupted public spheres'. *Journal of Communication* 68 (2): 243–253. DOI: 10.1093/joc/jqx017

Besley J. C., Dudo A., Yuan S., Lawrence F. (2018) Understanding scientists' willingness to engage. *Science Communication* 40 (5): 559–590. DOI: 10.1177/1075547018786561

Besley J. C., Nisbet M. (2013) How scientists view the public, the media and the political process. *Public Understanding of Science* 22 (6): 644–659. DOI: 10.1177/0963662511418743

Boero F. (2017) Open access revolutions. *Ethics Sci Environ Polit* 17: 1–8. DOI: 10.3354/esep00172

Bucchi M. (1996) 'When scientists turn to the public: alternative routes in science communication'. *Public Understanding of Science* 5 (4): 375–394. DOI: 10.1088/0963-6625/5/4/005

Couldry N., Hepp A. (2016) *The mediated construction of reality*. New York, NY, U.S.A.: Wiley.

Cyranoski D. (2017) Top Chinese university to consider social-media posts in researcher evaluations. *Nature*. Available at: https://www.nature.com/news/top-chinese-university-to-consider-social-media-posts-in-researcher-evaluations-1.22822 (accessed: 10.11.2023).

Dunwoody S., Ryan, M. (1985) 'Scientific barriers to the popularization of science in the mass media'. *Journal of Communication* 35 (1): 26–42. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1985.tb01882.x

Eagleman D. (2013) Why public dissemination of science matters: a manifesto. *J Neurosci* 33:12147–12149. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.2556-13.2013

Frias-Navarro D., Pascual-Soler M., Perezgonzalez J., Monterde-i-Bort H., Pascual-Llobell J. (2021) Spanish Scientists' Opinion about Science and Researcher Behavior. *The Spanish Journal of Psychology* 24, E7. DOI:10.1017/SJP.2020.59

Gibbs J. (1981) *Norms, deviance, and social control: Conceptual matters*. New York: Elsevier.

Gläser J. (2003) What Internet Use Does and Does Not Change in Scientific Communities. *Science & Technology Studies* 16 (1): 38–51. DOI: 10.23987/sts.55158

Goodell R. (1977) *The visible scientists*. Boston, U.S.A.: Little, Brown and Co.

Ho S. S., Looi J., Goh T. J. (2020) Scientists as public communicators: individual- and institutional-level motivations and barriers for public communication in Singapore. *Asian Journal of Communication* 30: 2, 155–178. DOI: 10.1080/01292986.2020.1748072

Hogan N. M., Sweeney K. J. (2013) Social Networking and Scientific Communication: A Paradoxical Return to Mertonian Roots? *J Am Soc Inf Sci Tec* 64: 644-646. DOI: 10.1002/asi.22842

Hyland K. (2015) *Academic publishing: issues and challenges in the construction of knowledge*. Oxford: OUP.

Hyland K., Jiang F. (2016) Change of Attitude? A Diachronic Study of Stance. *Written Communication* 33 (3): 251–274. DOI: 10.1177/0741088316 650399

Hyland K., Jiang F. (2017) Points of Reference: Changing Patterns of Academic Citation. *Applied Linguistics*. DOI: 10.1093/applin/amx012

Jung A. (2012) 'Medialization and credibility: paradoxical effect or (re)-stabilization of boundaries? Epidemiology and stem cell research in the press'. *The sciences' media connection — public communication and its repercussions. Sociology of the Sciences Yearbook*. The Netherlands: Springer Netherlands. Pp. 107–130. DOI: 10.1007/978-94-007-2085-5_6

Martinez-Conde S. (2016) Has contemporary academia outgrown the Carl Sagan effect? *Journal of Neuroscience* 36 (7): 2077–2082.

McCarty N. M. (2019) *Polarization. What everyone needs to know*. New York, NY, U.S.A.: Oxford University Press.

McKee A. E., Stamison C. M., Bahnmaier S. (2014) Creation, Transformation, Dissemination, and Preservation: Advocating for Scholarly Communication. *The Serials Librarian* 66 (1–4): 189–195. DOI: 10.1080/0361526x.2014.877298

Medvecky F., Leach J. (2019) The Multiple Ethics of Science. *An Ethics of Science Communication*. Palgrave Pivot. DOI: 10.1007/978-3-030-32116-1_3

Merton R. K. (1973) [1942]. The Normative Structure of Science. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 267–278.

Migheli M., Ramello G.B. (2013) Open access, social norms and publication choice. *Eur J Law Econ* 35: 149–167. DOI: 10.1007/s10657-013-9388-x

Mitroff I. (1974) Norms and Counter-Norms in a Select Group of the Apollo Moon Scientists: A Case Study of the Ambivalence of Scientists. *American Sociological Review* 39 (August): 579–595. Available at: https://www.jstor.org/stable/pdf/2094423.pdf (accessed: 10.11.2023).

Mulkay M. J. (1976) Norms and ideology in science. *Social Science Information* 15: 637–656.

Nerghes A, Mulder B, Lee J. S. (2022) Dissemination or participation? Exploring scientists' definitions and science communication goals in the Netherlands. *PLOS ONE* 17 (12): e0277677. DOI: 10.1371/journal.pone.0277677

Peters H. P. (2013) Gap between science and media revisited: Scientists as public communicators. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110 (Supplement 3): 14102–14109. DOI: 10.1073/pnas.1212745110. PMID: 23940312.

Pielke R. A. (2007) *The Honest Broker.* Cambridge: Cambridge University Press.

Post S. (2019) Polarizing communication as media effects on antagonists. Understanding communication in conflicts in digital media societies. *Communication Theory* 29 (2): 213–235. DOI: 10.1093/ct/qty022

Rajput A., Sharma S. (2023) An exploratory study of Indian scientists' perceptions of their roles and responsibilities in science communication. *African Journal of Science, Technology, Innovation and Development* 15: 4, 415–428. DOI: 10.1080/20421338.2022.2124682

Resnik D. B. (2016) Ethics in science. *The Oxford handbook of philosophy of science*. Oxford University Press.

Rödder S. (2012) The Ambivalence of Visible Scientists. *The Sciences' Media Connection – Public Communication and its Repercussions /* Rödder S., Franzen M., Weingart P. (eds.) Vol. 28. Sociology of the Sciences Yearbook. Dordrecht, The Netherlands: Springer. Pp. 155–177. DOI: 10.1007/978-94-007-2085-5_8

Ross-Hellauer T. (2017) What is open peer review? A systematic review [version 2; peer review: 4 approved]. *F1000Research* 6: 588. DOI: 10.12688/f1000research.11369.2

Salwén H. (2021) Research Ethical Norms, Guidance and the Internet. *Science and engineering ethics* 27 (6): 67. DOI: 10.1007/s11948-021-00342-5

Schäfer M. S. (2009) From public understanding to public engagement: An empirical assessment of changes in science coverage. *Science Communication* 30 (4): 475–505.

Schneider S. H. (1986) Both sides of the fence: the scientist as source and author. *Scientists and journalists: reporting science as news* / Friedman S. M., Dunwoody S., Rogers C. L. (eds.) New York, NY, U.S.A.: Free Press. Pp. 215–222.

Severin A., Egger M., Eve M. P., Hürlimann D. Discipline-specific open access publishing practices and barriers to change: an evidence-based review [version 2; peer review: 2 approved, 1 approved with reservations]. *F1000 Research* 2020, 7: 1925. DOI: 10.12688/f1000research.17328.2

Shanto I., Douglas S. M. (2019) Scientific communication in a post-truth society. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 116 (16): 7656–7661. DOI: 10.1073/pnas.1805868115

Shermer M. B. (2002) The view of science Stephen Jay Gould as historian of science and scientific historian, popular scientist and scientific popularizer. *Soc Stud Sci* 32: 489–524. DOI: 10.1177/0306312702032004001

Siler K. (2012) Citation choice and innovation in science studies. *Scientometrics* 95 (1): 385–415.

Slyder J. B., Stein B. R., Sams B. S., Walker D. M., Jacob B., Feldhaus J. J., Copenheaver C. A. (2011) Citation pattern and lifespan: A comparison of discipline, institution, and individual. *Scientometrics* 89 (3): 955–966.

Sunstein C. R. (2017) #Republic. *Divided democracy in the age of social media*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Survey of factors affecting science communication by scientists and engineers. Available at: https://royalsociety.org/~/media/Royal_Society_Content/policy/publications/2006/1111111395.pdf (accessed: 10.11.2023).

Tenopir C., Christian L., Kaufman J. (2019) Seeking, Reading, and Use of Scholarly Articles: An International Study of Perceptions and Behavior of Researchers. *Publications* 7 (1): 18. DOI: 10.3390/publications7010018

Tiffany L. A., Hautea S., Besley J. C., Newman T. P., Dudo A. (2022) Effect of context on scientists' normative beliefs. *Science Communication* 44 (1): 86–107. DOI: 10.1177/10755470211048186

Trishchenko N. D. (2019) Open Access Driven Transformation of the Scientific Communication System: Current Status, Prerequisites for Change, Effects, and Prospects. *Scientific and Technical Information Processing* 46. DOI: 10.3103/S0147688219020059

Van Noorden R. (2014) Online collaboration: Scientists and the social network. *Nature* 512 (7513): 126–129. DOI: 10.1038/512126a

Whitworth B., Friedman R. (2009) Reinventing academic publishing online. Part I: Rigor, relevance and practice. *First Monday* 14 (8). DOI: 10.5210/fm.v14i8.2609

References

Alhoori H., Samaka M., Furuta R., Fox E. (2019) Anatomy of Scholarly Information Behavior Patterns in the Wake of Academic Social Media Platforms. *J Digit Libr* 20: 369–389 (2019). DOI: 10.1007/s00799-018-0255-9

Anderson M. S., Ronning E. A., Devries R., Martinson B. C. (2010) Extending the Mertonian Norms: Scientists' Subscription to Norms of Research. *The Journal of higher education* 81 (3): 366–393. DOI: 10.1353/jhe.0.0095

Antopolskii A. B. (2019) Budushchee nauchnykh kommunikatsiy i nauchnoy informatsii [Future of Scientific Communications and Scientific Information]. *Information and innovation* 14 (1): 7–17.

Barnes S., Dolby R. (1970) The Scientific Ethos: A Deviant Viewpoint. *European Journal of Sociology* 11: 3–25.

Bennett W. L., Pfetsch B. (2018) Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres. *Journal of Communication* 68 (2): 243–253. DOI: 10.1093/joc/jqx017

Besley J. C., Dudo A., Yuan S., Lawrence F. (2018) Understanding Scientists' Willingness to Engage. *Science Communication* 40 (5): 559–590. DOI: 10.1177/1075547018786561

Besley J. C., Nisbet M. (2013) How Scientists View the Public, the Media and the Political Process. *Public Understanding of Science* 22 (6): 644-659. DOI: 10.1177/0963662511418743

Boero F. (2017) Open Access Revolutions. *Ethics Sci Environ Polit* 17: 1–8. DOI: 10.3354/esep00172

Bucchi M. (1996) When Scientists Turn to the Public: Alternative Routes in Science Communication'. *Public Understanding of Science* 5 (4): 375–394. DOI: 10.1088/0963-6625/5/4/005

Couldry N., Hepp A. (2016) *The Mediated Construction of Reality*. New York, NY, U.S.A.: Wiley.

Cyranoski D. (2017) Top Chinese University to Consider Social-Media Posts in Researcher Evaluations. *Nature*. Available at: https://www.nature.com/news/top-chinese-university-to-consider-social-media-posts-in-researcher-evaluations-1.22822 (accessed: 10.11.2023).

Dunwoody S., Ryan, M. (1985) Scientific Barriers to the Popularization of Science in the Mass Media. *Journal of Communication* 35 (1): 26–42. DOI: 10.1111/j.1460-2466.1985.tb01882.x

Eagleman D. (2013) Why Public Dissemination of Science Matters: A Manifesto. *J Neurosci* 33: 12147–12149. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.2556-13.2013

Frias-Navarro D., Pascual-Soler M., Perezgonzalez J., Monterde-i-Bort H., Pascual-Llobell J. (2021) Spanish Scientists' Opinion about Science and Researcher Behavior. *The Spanish Journal of Psychology* 24, E7. DOI:10.1017/SJP.2020.59

Gibbs J. (1981) *Norms, Deviance, and Social Control: Conceptual Matters*. New York: Elsevier.

Gläser J. (2003) What Internet Use Does and Does Not Change in Scientific Communities. *Science & Technology Studies* 16 (1): 38–51. DOI: 10.23987/sts.55158

Goodell R. (1977) *The Visible Scientists*. Boston, U.S.A.: Little, Brown and Co.

Ho S. S., Looi J., Goh T. J. (2020) Scientists as Public Communicators: Individual- and Institutional-Level Motivations and Barriers for Public Communication in Singapore. *Asian Journal of Communication* 30: 2, 155–178. DOI: 10.1080/01292986.2020.1748072

Hogan N. M., Sweeney K. J. (2013) Social Networking and Scientific Communication: A Paradoxical Return to Mertonian Roots? *J Am Soc Inf Sci Tec* 64: 644–646. DOI: 10.1002/asi.22842

Hyland K. (2015) *Academic Publishing: Issues and Challenges in the Construction of Knowledge*. Oxford: OUP.

Hyland K., Jiang F. (2016) Change of Attitude? A Diachronic Study of Stance. *Written Communication* 33 (3): 251–274. DOI: 10.1177/0741088316650399

Hyland K., Jiang F. (2017) Points of Reference: Changing Patterns of Academic Citation. *Applied Linguistics*. DOI: 10.1093/applin/amx012

Iston D. (2015) Novaya revolyutsiya v politicheskoy nauke [New Revolution in Political Science]. *Judgment Journal* 1 (1): 1–11.

Jung A. (2012) Medialization and Credibility: Paradoxical Effect or (Re)-Stabilization of Boundaries? Epidemiology and Stem Cell Research in the Press. *The sciences' media connection — public communication and its*

repercussions. Sociology of the Sciences Yearbook. The Netherlands: Springer Netherlands. Pp. 107–130. DOI: 10.1007/978-94-007-2085-5_6

Martinez-Conde S. (2016) Has Contemporary Academia Outgrown the Carl Sagan Effect? *Journal of Neuroscience* 36 (7): 2077–2082.

McCarty N. M. (2019) *Polarization. What Everyone Needs to Know*. New York, NY, U.S.A.: Oxford University Press.

McKee A. E., Stamison C. M., Bahnmaier S. (2014) Creation, Transformation, Dissemination, and Preservation: Advocating for Scholarly Communication. *The Serials Librarian* 66 (1–4): 189–195. DOI: 10.1080/0361526x.2014.877298

Medvecky F., Leach J. (2019) The Multiple Ethics of Science. *An Ethics of Science Communication*. Palgrave Pivot. DOI: 10.1007/978-3-030-32116-1_3

Merton R. K. (1973) [1942]. The Normative Structure of Science. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago: University of Chicago Press. Pp. 267–278.

Migheli M., Ramello G. B. (2013) Open Access, Social Norms and Publication Choice. *Eur J Law Econ* 35: 149–167. DOI: 10.1007/s10657-013-9388-x

Mitroff I. (1974) Norms and Counter-Norms in a Select Group of the Apollo Moon Scientists: A Case Study of the Ambivalence of Scientists. *American Sociological Review* 39 (August): 579–595. Available at: https://www.jstor.org/stable/pdf/2094423.pdf (accessed: 10.11.2023).

Mulkay M. J. (1976) Norms and Ideology in Science. *Social Science Information* 15: 637–656.

Nerghes A., Mulder B., Lee J. S. (2022) Dissemination or Participation? Exploring Scientists' Definitions and Science Communication Goals in the Netherlands. *PLOS ONE* 17 (12): e0277677. DOI: 10.1371/journal.pone.0277677

Peters H. P. (2013) Gap Between Science and Media Revisited: Scientists as Public Communicators. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 110 (Supplement 3): 14102–14109. DOI: 10.1073/pnas.1212745110. PMID: 23940312.

Pielke R. A. (2007) *The Honest Broker*. Cambridge: Cambridge University Press.

Porus V. N., Bazhanov V. A. (2021) Postnormal'naya nauka: mezhdu Stsilloy neopredelennosti i Kharibdoy politizatsii znaniya [Post-Normal Science: Between Scylla of Uncertainty and Charybdis of Knowledge Politicization]. *Philosophy Journal of the Higher School of Economics* 4: 15–33.

Post S. (2019) Polarizing Communication as Media Effects on Antagonists. Understanding Communication in Conflicts in Digital Media Societies. *Communication Theory* 29 (2): 213–235. DOI: 10.1093/ct/qty022

Rajput A., Sharma S. (2023) An Exploratory Study of Indian Scientists' Perceptions of Their Roles and Responsibilities in Science Communication. *African Journal of Science, Technology, Innovation and Development* 15: 4, 415–428. DOI: 10.1080/20421338.2022.2124682

Resnik D. B. (2016) Ethics in Science. *The Oxford Handbook of Philosophy of Science*. Oxford University Press.

Rödder S. (2012) The Ambivalence of Visible Scientists. *The Sciences' Media Connection – Public Communication and its Repercussions /* Rödder S., Franzen M., Weingart P. (eds.) Vol. 28. Sociology of the Sciences Yearbook. Dordrecht, The Netherlands: Springer. Pp. 155–177. DOI: 10.1007/978-94-007-2085-5_8

Ross-Hellauer T. (2017) What Is Open Peer Review? A Systematic Review [version 2; peer review: 4 approved]. *F1000Research* 6: 588. DOI: 10.12688/f1000research.11369.2

Salwén H. (2021) Research Ethical Norms, Guidance and the Internet. *Science and Engineering Ethics* 27 (6): 67. DOI: 10.1007/s11948-021-00342-5

Schäfer M. S. (2009) From Public Understanding to Public Engagement: An Empirical Assessment of Changes in Science Coverage. *Science Communication* 30 (4): 475–505.

Schneider S. H. (1986) Both Sides of the Fence: the Scientist as Source and Author. *Scientists and Journalists: Reporting Science as News* / Friedman S. M., Dunwoody S., Rogers C. L. (eds.) New York, NY, U.S.A.: Free Press. Pp. 215–222.

Severin A., Egger M., Eve M. P., Hürlimann D. Discipline-Specific Open Access Publishing Practices and Barriers to Change: an Evidence-Based Review [version 2; peer review: 2 approved, 1 approved with reservations]. *F1000 Research* 2020, 7: 1925. DOI: 10.12688/f1000research.17328.2

Shanto I., Douglas S. M. (2019) Scientific Communication in a Post-Truth Society. *Proceedings of the National Academy of Sciences* 116 (16): 7656–7661. DOI: 10.1073/pnas.1805868115

Shermer M. B. (2002) The View of Science Stephen Jay Gould as Historian of Science and Scientific Historian, Popular Scientist and Scientific Popularizer. *Soc Stud Sci* 32: 489–524. DOI: 10.1177/0306312702032004001

Siler K. (2012) Citation Choice and Innovation in Science Studies. *Scientometrics* 95 (1): 385–415.

Slyder J. B., Stein B. R., Sams B. S., Walker D. M., Jacob B., Feldhaus J. J., Copenheaver C. A. (2011) Citation Pattern and Lifespan: A Comparison of Discipline, Institution, and Individual. *Scientometrics* 89 (3): 955–966.

Sunstein C. R. (2017) #Republic. *Divided Democracy in the Age of Social Media*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Survey of Factors Affecting Science Communication by Scientists and Engineers. Available at: https://royalsociety.org/~/media/Royal_Society_Content/policy/publications/2006/1111111395.pdf (accessed: 10.11.2023).

Tenopir C., Christian L., Kaufman J. (2019) Seeking, Reading, and Use of Scholarly Articles: An International Study of Perceptions and Behavior of Researchers. *Publications* 7 (1): 18. DOI: 10.3390/publications7010018

Tiffany L. A., Hautea S., Besley J. C., Newman T. P., Dudo A. (2022) Effect of Context on Scientists' Normative Beliefs. *Science Communication* 44 (1): 86–107. DOI: 10.1177/10755470211048186

Trishchenko N. D. (2019) Open Access Driven Transformation of the Scientific Communication System: Current Status, Prerequisites for Change, Effects, and Prospects. *Scientific and Technical Information Processing* 46. DOI: 10.3103/S0147688219020059

Van Noorden R. (2014) Online Collaboration: Scientists and the Social Network. *Nature* 512 (7513): 126–129. DOI: 10.1038/512126a

Whitworth B., Friedman R. (2009) Reinventing Academic Publishing Online. Part I: Rigor, Relevance and Practice. *First Monday* 14 (8). DOI: 10.5210/fm.v14i8.2609

Поступила в редакцию
16.10.2023